

Евгений Ройзман

Ройзман Евгений Вадимович родился в 1962 г. в Свердловске. Поэт, историк, искусствовед, создатель фонда «Город без наркотиков», организовал музей иконописи и живописи. Работал сборщиком на Уралмаше, сидел на зоне, окончил УрГУ, стал мастером спорта по трофи-рейдам. В 1988 г. организовал поэтическую группу «Интернационал» и вёл активную самиздатскую деятельность, публиковался в журналах «Аврора», «Юность», «Урал» и самиздате. Ройзман – инициатор издания большого количества книг уральских авторов. Сам же недавно выпустил «итоговый» двухтомник стихов и прозы: «Жили-были» и «Невыдуманные рассказы» (2011). Участник АСУП-1. Муж поэтессы Ю. Крутевой. Живет в Екатеринбурге.

Филологическая маркировка стихов Е.Р.

Традиции, направления, течения: постмодернизм, реалистические тенденции.

Основные имена влияния, переклички: И. Бродский, Б. Пастернак, А. Блок, А. Тарковский, Ю. Крутева.

Основные формальные приемы, используемые автором: оксюморон, ирония, самоирония, фактографичность (почти полное отсутствие метафоры), актуализация памяти жанра (стилизация под сонет), эллипсис, умолчание.

Сквозные сюжеты, темы, мотивы, образы: библейские мотивы, патриотическая тематика, гражданская тема, пацифистская направленность стихотворений, мотив пути (субтитут – полет), русский язык и речь, поэзия, течение времени (обязательный взгляд в прошлое, необходимый для шага в будущее, устремленность в будущее, глубокое лирическое переживание за будущее родины), лирический герой – фигура высоконравственная, носитель морали; образы – бог, родина, страна, Россия, река, птица.

Творческая стратегия: продолжение традиций русской гражданско-патриотической лирики.

Коэффициент присутствия: 0,55

АНДРЕЙ КОЗЛОВ О Е.Р.

Ройзман известен своей организацией «Фонд «Город без наркотиков», которая участвует в поимке наркоторговцев в Екатеринбурге и добилась в этом «эффектного» эффекта: многие показатели снизились, «наркобарыги» стали избегать Екатеринбурга, Фонду удалось ловить на наркобизнесе даже сотрудников милиции. Но не наркомафия, а милиция (и другие силовые структуры) начали вести борьбу с Фондом. Начиная с прошлого года (дело Бычкова) деятельность Фонда стала известна не только блогерам (даже после появления Навального Ройзман остаётся блогером № 1), но и телезрителям. Но телезрители Екатеринбурга и Свердловской области прекрасно знали о деятельности Фонда и раньше, потому что местные телеканалы эту деятельность освещали и поддерживали. Если я не ошибаюсь, Фонд возник в 1999 году. Многим российским читателям не верится, что в нашей стране могут возникать честные общественные организации – уже стало общим местом в либеральной тусовке считать, что «гражданского общества» нет в России, не было и никогда не будет. Но Екатеринбург несколько необычен в политическом отношении, и многие эти необычные вещи не вполне известны за пределами Свердловской области. Например,

Е.Р., конец 90-х

в Свердловской области существует очень четкое противоборство кланов областной и городской администраций. Из этого, например, появляются особые возможности для СМИ, особенно ТВ (на экране появлялись очень откровенные сюжеты, и если одной стороне Ройзман очень не нравился, то другой стороне это, естественно, очень нравилось). В 1999 году, кстати, в Екатеринбурге в преддверии выборов появилось эдакое социал-демократическое движение «Май». «Май» стал захватывать приёмные проштрафившихся в том или сём руководителей муниципальных образований области (СМИ трещали). Эффект не заставил себя ждать: за три месяца никому не известный лидер «Мая» обогнал мэра в выборах губернатора и стал соревноваться за губернию с самим Эдуардом Эргартовичем. И многим было очевидно, что великий, первый всенародно избранный губернатор РФ, вздрогнул не на шутку. Политтехнологи работали по всем направлениям, губернатор еле-еле сохранил свой пост. Если про Питер говорят: «Столичный город с областной судьбой», то Екатеринбург – провинциальный город со столичными амбициями.

Первым обратил внимание на эту амбицию поэт-гражданин Быков, попенявший Медведеву, как бы из Ройзмана не получилось «нового Ельцина». Можно также добавить, что не только первым антисоветским президентом был свердловчанин Борис Ельцин, но и первым советским президентом тоже был екатеринбуржец Яков Свердлов... То есть, у Ройзмана есть исторически аргументированная харизма. И Быков с прочими либералами этого боятся. Потому что, хотя по своей природе Ройзман – бизнесмен (у него есть вполне классический бизнес в Екатеринбурге: ювелирные и, кажется, мебельные магазины – кажется, потому что я не журналистский следователь, я просто

встречал Ройзмана возле оных магазинов, по всей видимости, его), но по деятельности Фонда он, конечно, левый. В том смысле, что Фонд действует во имя интересов общества в целом. И самое главное, что это как раз не «пиарное левое», на которое так щедрый единорог, справедливорог, лдпорог, а реальное экзистенциальное левое и что «всего ужаснее» – успешное левое. Успешное не только потому, что Фонд ловит барыг, а и потому, что жители города активно Фонду помогают. Помогают не только соседи наркоторговцев, звоня на пейджер, а, например, и журналисты, которые освещают деятельность Фонда, порой довольно жестко, разные известные люди, вроде Гарика Сукачёва, которые помогают Фонду деньгами. В принципе, руководитель Фонда назывался первоначально «президент», и Ройзман, если и не будет третьим свердловским президентом, то все равно очевидно, что стране нужен президент именно с такой или похожей мотивацией, как у Ройзмана. Именно эта ментальность Ройзмана и стала причиной его отвода как из «Справедливой России», так и из «Правого дела» (очевидно, что судимость 30-летней давности тут притягивается в черно-пиарном смысле). Мне думается, что некоторые политические моменты Ройзман не всегда понимает, но гораздо важнее этого понимания другое: наркоторговец должен сидеть в тюрьме, а те, кто распространяют наркотики, способствуют распространению кадеиносодержащих лекарств, потворствуют распространению наркомании, хотя бы это были сами министры из Москвы, заслужили право называться «животными». И если, называя наркоторговцев «животными», Ройзман с точки зрения некоторых либерал-интеллектуалов выражается грубо, то Ройзман вообще не считает наркоторговцев чем-то достойным «вежливого» обращения. Наркоторговцев не судят как хладнокровных детоубийц, иногда их вообще не судят, так как милицейские оборотни их крышуют, но они все равно – убийцы и детоубийцы.

Боря Ёлкин на заре перестройки очень сильно обнадежил и разочаровал свердловчан-екатеринбуржцев. Вот на этом фоне в ЕКБ появляется Ройзман. Сначала о нём узнали как о поэте, любителе искусства, особенно живописи. Началась перестройка, в 1986 году открылся рок-клуб, в 1987 открылся ряд выставок «подвальных художников», на этих выставках стали собираться поэты, графоманы, разные «панк-скоморохи». В те давние времена печатали только стихи про партию, про снег-снежок, летящих журавлей... А тут стали собираться и читать написанное в стол. На первом городском конкурсе свердловских поэтов-неформалов (тех, кто не входил и не собирался входить в Союз писателей) публика избрала Ройзмана «королём» (лично я «голосовал» за Букашкина, но факт – публике понравилась

«угрюмость» стройного подтянутого Ройзмана). Ройзман не был актером или скоморохом, как Букашкин, или вообще артистом. Казалось даже, он как-то даже стеснялся, он всегда подчёркивал, что он участник поэтической группы «Интернационал» (Салават – башкир, Рябоконт – типа хохол, Юля – русская и он – еврей). Конечно, он выделялся в этой группе не только характером, но и самими стихами. Вот одно из стихотворений Ройзмана времен перестройки, написанное 10 июля 1988-го:

*В Империи развал. Шумят рабы.
Спартак в ударе. Просветлили лица.
Но чуело Вождя в плену томится,
А из провинций все текут гробы.*

*Окраины бурлят. Им отделиться
Хотелось бы. Кто в лес, кто по грибы –
Куда угодно. Лишь бы от судьбы,
А император волен застрелиться.*

*Сенат прогнал. Лишь выправка и спесь.
Все скурвились. Пора срывать погоны.
Из Сирии выводят легионы.
Все правильно. Они нужнее здесь.*

*Империя, как тот презерватив,
Что пацаны всем скопом надували,
Вот-вот взорвётся, матушка. Едва ли
Имперью спасёт инфинитив.*

*Что делать? Сам не знаю. Но держись
И утешайся запрещенным средством.
Поэту не к лицу спасаться бегством,
Но всё же крикнуть хочется: «Ложись!»*

Я цитирую это стихотворение, потому что помню, как слушал его тогда. В нём была тревога. У меня такой тревоги не было, я не понимал этого стихотворения. Но она, эта тревога, оказалась не беспочвенной. Я, конечно, тоже видел в происходящем фальшь, подсмеивался над «гласностью», но при этом ощущал и подъём общества, и, не предчувствуя катастрофы, как-то был весел. Эти стихи – свидетельство, что 25-летний Ройзман очень правильно угадывал, куда несёт нас рок, несмотря на почти всеобщий восторг и оптимизм. Поэтическое в Ройзмани не случайно, не просто «хобби». Все знаковые фигуры свердловской «богеми» стали друзьями Ройзмана. Он сразу подружился с Женей Касимовым, хозяином «нехорошей квартиры», где собирался весь свердловский андеграунд, познакомился и стал большим почитателем Миши Шаевича Брусилковского, «иконы» свердловских художников старшего поколения, стал близким другом председателя «Станции вольных почт» бесподобного Вити Махотина, товарищем

известного поэта Ромы Тягунова. Для очень многих не только в Свердловске, но и в России стало событием открытие «музея Невьянской иконы», экспонаты которого составила коллекция Ройзмана. Невьянская икона – это старообрядческая икона. С одной стороны, она как бы такая же, как и простая икона РПЦ, но в то же время у старообрядцев порой и церквей-то не было, а деньги были, и они заказывали иконы, и получалось нечто очень своеобразное, суровое, уральское.

Наконец, Ройзман жил не просто в Свердловске, он жил ещё и на Уралмаше, некоей святыне индустриального СССР. Уралмаш – это вроде и рабочая окраина, но совсем не депрессивная в советские годы. Тут было всё: и детсады, и спортивные, музыкальные школы, Дворцы культуры, кино-театры, трамвай, троллейбус, и в конце советской эпохи на Уралмаш провели аж метро (до сих пор самое короткое в мире: Проспект космонавтов – Уралмаш – Машиностроителей – Уральская – Динамо – Площадь 1905 года (центр) – Геологическая – всего 7 станций!). Уралмаш был совсем иным местом, чем трагический Вторчермет Бориса Рыжего. Перестройка вдарил по Уралмашу по полной программе, но уралмашевцы-то остались. Многие заводы всё же продолжали работать, кто-то подался в «новые русские», а кого-то раздразнил перестройки утянул в наркоманию. Так что когда Ройзман прошёл в Госдуму от Уралмаша, для многих это было внутренним, настоящим, без дураков, делом. Не просто как «свой», а именно как борец против наркоторговцев, борец за правое, а не «Правое» дело.

«Город без наркотиков» – общественная организация, но по предмету, конечно, политическая. Это не кружок кройки и шитья. Люди боятся жаловаться на наркоторговцев в милицию (там могут такого жалобщика «продать» барыгам), а Фонд не милиция – заявлений писать не надо. Люди стали звонить, наркобарыг стали ловить и сажать. Ситуация же такова, что из-за культурно-духовной травмы общества, массовой депрессии очень многие потянулись к наркотикам, а наркобизнес не мог упустить своего шанса обогатиться, так что Фонд оказался в гуще событий, людских трагедий, криминала, предательства. Многим кажется, что наркомания – это исключительно распущенность и дурь самих наркоманов (нормальный типа человек вполне довольствуется пивасиком и водовкой), но это совсем не так. Молодые люди, дети по определению очень внушательны. Молодые люди и дети из неблагополучных семей (неблагополучных как материально, так и морально) – они ещё больше рискуют стать жертвой наркомафии. Человек, испытывающий дистресс от неудач, от неизбежных социальных, личных поражений, потому что олигархи становятся богаче, а «уралмашевцам» порой не остаётся денег

Е. Р. и М. Никулина, 2003 г.

на квартплату, и их квартиры скоро заберет пристав. Это реально, физически давит молодого человека, не отпуская из депрессии, а наркотики устраняют неприятную химию в мозгу, в результате у человека появляется «новая превращенная потребность», и при этом он становится тяжело болен, и ничего в его жизни не улучшается... Государство, честно говоря, и не ставит задачи искоренить наркоманию. Многим интересен наркобизнес, многим интересен бизнес по реабилитации... Либеральная (или как её порой называют «правая») идеология разделяет людей на успешных и разного рода «резерв рабочей силы», на лидеров и аутсайдеров. И «трезвому холодному англосаксу» не жаль «подонка-наркомана» из второстепенной страны. Кто-то и у нас считает именно так... Но в целом мы принимаем, что мы – одна система, и гибель нашей молодёжи от наркотиков – это не статистика «смертей от передозировки», это медленная гибель страны, народа. Это в Ливии уничтожают страну «томагавками» – здесь эффективным оказались наркотики, «крокодил», героин...

Медведев, Путин, Ельцин этого не понимают. Но вот Ройзман, матерщинник, мотавший срок, понял. И из этого понимания следует очень жесткое и грубое поведение. В частности, он предложил заявление Кофи Аннана о легализации легких наркотиков свернуть в трубочку и засунуть ему же, Кофи Аннана, «в жопу». Согласен, неприлично, вульгарно и грубо. Но вы-то, вежливые, изысканные, культурные и политкорректные, вы вообще ничего не делаете, а то и хуже – продолжаете потворствовать этому бардаку. В случае с Ройзманом идеология «правого-левого» вообще не работает (если она вообще ещё работает где-то). Конечно, Ройзман именно «социальный

лидер» и безусловно представитель той метафизической матрицы, которая борется со злом без этих либеральных штук, что носятся со свободой гомосексуалистов, почему-то не могут годами запретить рекламу табака и алкоголя и не могут прижучить-прищучить куцеских бандитов (вмешательство уже не депутата, а просто гражданина Ройзмана помогло прижучить-прищучить бандитов, напавших на Сагру). Зло есть зло, его нельзя терпеть, с ним нельзя цацкаться, его надо ненавидеть и истреблять, если его нельзя уничтожить прямолинейно, его надо уничтожать косвенно.

А что касается стихов, то сам Ройзман так сказал: «Я давно не пишу стихов, а пишу в блоге такие... да, пожалуй, это может потянуть и на абсурдистские стихотворения в прозе. Вот история о том, как губернатор ехал на работу и увидел мусор. Звонит мэру и требует мусор убрать. Мэр не знает, где проезжал губернатор, а убрать весь мусор в городе – выше его сил. Он звонит окружению губернатора. Да, подтверждают те, ехал, видел мусор... Но где ехал-то?! Этого мы не можем сказать, – отвечают они. Его маршрут – государственная тайна. Или круче: в городе должны были выстроить перинатальный центр. Роддом, проще говоря. Выделены деньги, а роддом не выстроили – причем их даже не разворовали, а просто были первоочередные нужды. И тут слух: Путин приедет проверять роддом! Допустим, отремонтировать здание за неделю и выдать его за новое еще можно, нагнать гастарбайтеров, взвинтить темпы, заставить работать по ночам... Но где они рожениц найдут, какие гастарбайтеры тут спасут? Давайте, думают, соберем рожениц по другим роддомам и свезем. Но что, если они начнут по-настоящему рожать во время визита Путина?! И тогда свозят молодых актрис и привязывают им на животы подушки. А Путин не приезжает, представляешь? И это не байка. Я знаю участников...»

Как сказал Виталий Кальпиди: «Ройзман – один из немногих, готовый пройти до конца путь русского поэта: от легких и красивых слов к тяжелому и грязному труду. Ему уже не нужно писать стихи, он пишет действием, поступком, а внутри этого ремесла создавать прекрасное в принципе невозможно. Тут ты уже опираешься не на ритм и рифму, а на правду и справедливость, на жизнь и смерть. Правда и справедливость – не есть истина. Но это то, что к ней теоретически может привести... Я не знаю темных сторон Ройзмана (а они есть у каждого из нас), но я отчетливо вижу его светлую сторону, и этого мне вполне достаточно для уважения и зависти (последнее, понятно, несущественно)...»